

Левая нога

Лу Е и не подозревал, что они могут драться.

Ссорились — да, постоянно. Как говорила Лу Хуэй, нет ничего сложнее, чем жить с неродным человеком. Хотя была и другая, более точная поговорка, которую юноша позже встретил в учебнике по литературе: «Бедность — вечный источник горя для любой семьи».

Когда мальчику было четырнадцать, его родного отца, заядлого игрока, посадили на одиннадцать лет за вооружённое ограбление. После этого мать развелась, сменила сыну фамилию и снова вышла замуж — за его нынешнего отчима, дядю Яна. Тот был старым холостяком из соседней деревни, ростом ниже метра семидесяти, с тёмным, обветренным лицом. Рядом со светлокожей и утончённой Лу Хуэй он выглядел особенно невзрачно. После свадьбы мать со слезами умоляла сына называть отчима папой, но подростку было уже пятнадцать, и он никак не мог заставить себя произнести это слово, обращаясь к чужому мужчине.

Дядя Ян помрачнел и отвернулся.

— Не хочет — не надо, не заставляй его!

С тех пор он так и остался для него дядей Яном.

Отчим перевёз их с матерью из Синьсяна в Ухань и с нуля открыл фруктовую лавку в заливе Фанцзя. Сколько Лу Е себя помнил, они с матерью постоянно ссорились, иногда доходило до скандалов, но, так или иначе, они прожили вместе все эти годы.

— В каком смысле? — лицо парня мгновенно изменилось. — Он ударил маму?

— Ну... когда двое дерутся, то оба друг друга бьют... — промямлил Дуань Сяофань. — Но тётушка ведь женщина, ей в драке не победить... — Он сделал паузу. — Я думал, ты знаешь. Твой университет так близко, ты что, совсем домой не ездешь?

Да, не ездил.

После стольких лет жизни, когда приходилось постоянно следить за выражением чужих лиц, он, получив возможность сбежать, старался не возвращаться домой без крайней необходимости. В последний раз он был там перед началом летних каникул. Мать сказала, что у дяди Яна сильно болит поясница, и попросила приехать помочь на пару дней. Тогда они с отчимом вели себя вполне мирно...

— Ты только не говори, что это я тебе рассказал, — сказал Дуань Сяофань. — Поезжай скорее, проведай тётушку.

Лу Е торопливо поблагодарил его и бросился к выходу. Собеседник схватил его за руку и протянул ключ.

— Возьми пока мой скутер, вон тот белый у входа.

К счастью, из-за каникул на территории университета было мало и людей, и машин. Лу Е выжал газ до упора и меньше чем за пятнадцать минут пересёк весь кампус и выехал на улицу Лумо.

Ещё десять минут — и он уже сворачивал в залив Фанцзя.

Фруктовая лавка была открыта. Лу Е откинул пластиковую занавеску. Дядя Ян подметал пол. Матери нигде не было видно.

— Где мама? — спросил Лу Е.

Отчим поднял голову и холодно взглянул на него. Только сейчас парень заметил на его шее красные полосы.

Наверное, мать поцарапала.

— Это она тебе наябедничала? — Дядя Ян швырнул веник и указал на заднюю комнату. — Твоя мать там. Можешь не волноваться, я её и пальцем не тронул. Вы же родня, а я вам кто? Столько лет вас кормлю, одеваю, а я для вас говно собачье, да? Ты у нас гений, образованный, куда уж мне до вас!

Лу Е закрыл глаза, проигнорировал его и прошёл в комнату. Мать сидела на кровати и тихо плакала. Услышав, что кто-то вошёл, она сначала удивлённо взглянула, а затем поспешно спрятала лицо в сгибе локтя.

Лу Е почувствовал, как у него перехватило дыхание.

— Мама, мама... — он схватил её за запястье и потянул на себя, не давая отвернуться. — Он тебя ударил?!

Лу Хуэй всё ещё пыталась спрятать лицо, но он держал её крепко. Её правая щека чудовищно распухла и блестела от красноты. Отёк был таким сильным, что всё лицо перекосило, словно за щеку ей запихнули огромную паровую булочку.

Лу Е застыл на месте, кончики его пальцев дрожали.

Лишь через несколько секунд он смог спросить:

— Где ещё болит?

Лу Хуэй покачала головой.

— Ты чего приехал? Мама в порядке, — прохрипела она.

Лу Е всё ещё держал её тонкое запястье. Он повернул руку матери и увидел на внутренней стороне предплечья сине-багровые пятна. Словно её пинали или били чем-то.

Он смотрел на эти яркие кровоподтёки, и в голове у него было пусто. Он и подумать не мог, что дядя Ян поднимет на мать руку. Как давно это началось? В какой раз?

— Ты сам у неё спроси, вы же родня, вот и спрашивай! — В дверях появился отчим. Ссутулившись, он прислонился к косяку. — Лу Хуэй, ты сказала своему сыну, из-за чего мы подрались?

Лу Е повернулся к нему. Тот казался ещё ниже ростом, чем обычно, возможно, из-за старости. На мужчине была грязная белая майка и чёрные шлёпанцы. Его лицо... стало ещё темнее и уродливее, чем в тот день, когда Лу Е увидел его впервые.

— Как ты мог поднять руку на женщину? — отчётливо произнёс юноша.

Дядя Ян взвизгнул:

— Я поднял руку? А?! Кто, блядь, первый начал?! Какая собака на меня первая набросилась?! Я...

Он не договорил. Лу Е внезапно вскинул ногу и со всей силы пнул его.

Пока предыдущий пациент ушёл на обследование, Хэ Байфаню наконец удалось протиснуться в кабинет и поставить контейнер с едой на стол. Его мать сегодня принимала в провинциальной больнице традиционной китайской медицины с девяти утра до пяти вечера, и, судя по толпе в коридоре, у неё не было времени даже на обед.

— Там ещё куча народу, ты успеешь до пяти? — с сомнением спросил Хэ Байфань.

— Не успею — придётся задержаться. Нельзя же заставлять людей зря приезжать, — Хуан Чжэньлинь покосилась на контейнер. — Это отец прислал? Я же говорила ему, не надо, у меня всё равно нет времени поесть.

Сын улыбнулся:

— Моя задача — доставить. А есть или не есть — тебе решать.

Стоявшая рядом медсестра хихикнула:

— Доктор Хуан, ну попробуйте хоть немного. Человек же специально для вас вёз через весь город.

Это был старый трюк отца Хэ Байфаня, который он использовал ещё в молодости. Тогда он, ещё не «старина Хэ», а просто «молодой Хэ», приехал в больницу по делам и с первого взгляда влюбился в доктора Хуан. Она была на четыре года старше и считала его несерьёзным юнцом, поэтому напрочь игнорировала. Тогда молодой Хэ раздобыл её расписание и каждый раз, когда она была на приёме, к трём-четырёх часам дня привозил ей еду. В контейнерах были сладости и деликатесы со всего мира — не полноценный обед, но для занятого врача съесть шоколадку было очень удобно.

В итоге поправившаяся на пять килограммов доктор Хуан вышла замуж за юношу. И вот, тот стал стариной Хэ, а приём у жены превратился в приём у профессора, но привычка привозить еду в больницу осталась неизменной.

— Ладно, иди погуляй где-нибудь. В пять десять будь здесь, — приказала мать.

Хэ Байфань растерялся:

— Зачем?

— Отец тебе не сказал? Вечером ужин, ты едешь с нами, — она махнула ему рукой. — После работы поговорим, иди, жди.

Ему ничего не оставалось, как выйти из кабинета. Он прошёл по переполненному коридору и сел в углу холла. Больница находилась прямо напротив Университета Хуншань, их разделяла лишь улица Лююй. Сегодня была суббота, не выходной день для Лу Е, но Хэ Байфань всё равно решил позвонить ему — может, удастся пообедать вместе в университетской столовой.

Телефон завибрировал. Сообщение от Шан Юаня: «Мама сказала, что сегодня ужин в «Хаожэньсюань». Ты тоже идёшь?»

Хэ Байфань ответил: «Похоже, что да».

Шан Юань тут же позвонил.

— А-а-а, ты идёшь? Отлично! Байфань, прикроешь меня, ладно? Мои родители ещё не знают про нас с Сысы!

Хэ Байфань ничего не понял:

— Про вас с Сысы? Что такое?

— Мы встречаемся! — выпалил Шан Юань и после паузы добавил: — Ты что, не знаешь, зачем этот ужин?

— ...Нет.

— Знакомство! Дружба! Смотрины! — тараторил Шан Юань. — Всех наших, кому пора жениться, согнали. Так что оденься получше и отбивай от меня девиц. И, кстати, когда увидишь Сысы, не проболтайся. Я вообще не хотел идти, но сестра заставила, мол, составь компанию, ну что поделаться...

— Алло, Байфань? У тебя связь плохая, — повысил голос Шан Юань. — Слышишь? Не проболтайся Сысы...

Хэ Байфань встал и сбросил звонок.

Он не верил своим глазам.

Человек, который только что разговаривал с медсестрой у информационной стойки... это был Лу Е? Его лицо было наполовину скрыто рекламным стендом, так что разглядеть было трудно. Он поддерживал под руку женщину с собранными в хвост волосами. Сказав что-то медсестре, они направились к автоматам для записи на приём.

Хэ Байфань сделал несколько шагов вперёд, но подойти ближе не решился — наученный горьким опытом, когда его приняли за вора у Оптико-электронного факультета, он боялся, что теперь его примут за карманника... К счастью, в холле стояли две массивные колонны. Парень спрятался за одной из них, делая вид, что увлечён телефоном, а сам украдкой наблюдал за ними. Но не успел он ничего разглядеть, как сзади выстроилась очередь, полностью скрыв их из вида.

«Наверное, показалось», — подумал Хэ Байфань. Походка у того человека была не такая, как у Лу Е. Лу Е ходил быстро, с прямой спиной, а этот двигался как-то медленно.

Но в следующую секунду тот человек записался на приём и обернулся.

Это был Лу Е!!!

Женщина рядом с ним, с распухшей щекой, была на него поразительно похожа — несомненно, его мать. Что случилось? Её избили? И сам Лу Е... под правым глазом у него темнел синяк, а при ходьбе он слегка прихрамывал.

Они приближались. Хэ Байфаню пришлось нырнуть в ближайший туалет. Через мгновение он осторожно выглянул. Лу Е с матерью сидели у кабинета отоларинголога.

Было уже больше четырёх, пациентов в больнице поубавилось. Вскоре они вошли в кабинет.

И почти сразу вышли. Мать Лу Е что-то говорила без умолку, а он, с непроницаемым лицом, лишь изредка качал головой или отвечал ей парой слов. Они оплатили услуги в автомате и направились в отделение радиологии на цокольном этаже.

Вход в отделение радиологии был через автоматические стеклянные двери, которые открывались только при сканировании чека. Хэ Байфань не смог пройти следом.

Он остался стоять на лестнице, ведущей вниз, и тупо смотрел на вывеску «Отделение радиологии».

Это его мать пошла на снимок? Но нога Лу Е... ему ведь тоже нужен снимок. Ничего не понятно. Почему они оба ранены? Кто их избил? Неужели у его семьи проблемы с местными бандитами?

Лу Е такой худой, его же с одного удара можно свалить. Чем больше Хэ Байфань думал об этом, тем страшнее ему становилось. Все в Ухане знали, что район Гуангу — место беспокойное, полно мошенников, и с безопасностью там не очень.

— Эй, разойдись, разойдись!

Хэ Байфань обернулся. Двое санитаров быстро спускались по лестнице с носилками, на которых лежала и стонала женщина средних лет с окровавленным лицом.

Он поспешно отступил в сторону. Когда они прошли, Хэ Байфань обернулся и неожиданно встретился взглядом с парой глаз.

Правая глазница с синяком, над левой бровью — красная родинка.

Хэ Байфаня словно ударило молнией.

Лу Е, очевидно, тоже опешил и даже начал заикаться:

— Ты... ты что здесь делаешь?

Хэ Байфань, не успев обдумать это, выдавил:

— Я маму жду, она сегодня здесь принимает. — И, боясь, что тот не поверит, добавил: — Доктор Хуан Чжэньлинь из отделения маммологии, это она.

— А... — Лу Е встретился с ним взглядом и тут же отвернулся.

— Что с тобой случилось? — спросил Хэ Байфань.

— Упал со скутера. Вёз одноклассника, вот и пришли сделать снимок, — говорил парень, поворачиваясь к Хэ Байфаню левой стороной и делая вид, что смотрит в сторону отделения радиологии.

Наверное, думал, что так сможет скрыть синяк.

Хэ Байфань опустил глаза.

— Ты не ушибся?

— Нет, я просто пришёл с ним, чтобы записать на приём и оплатить. Мы уже были внутри, но оказалось, что одну процедуру не оплатили, — Лу Е быстро махнул чеком в руке. — Ладно, я пошёл. Ты... лучше отойди, здесь радиация.

Хэ Байфань кивнул:

— Если нужна будет помощь, звони.

Лу Е слабо улыбнулся:

— Спасибо.

Сказав это, он неторопливо пошёл к отделению. Хэ Байфань смотрел на его худую спину и видел, как тот изо всех сил старается идти ровно, но походка всё равно была какой-то странной. Левая нога, скрытая джинсами, — она опухла, или он потянул мышцу, или там рана?

Не видно. Но он заметил, как при ходьбе Лу Е старается не наступать на левую ногу: едва коснувшись пола, он тут же переносил вес на правую. Наверное, было больно.

Хэ Байфань смотрел, как он идёт, шаг за шагом, касание за касанием, и чувствовал, как что-то такое же быстрое и тяжёлое ударяет ему прямо в сердце.

<http://bllate.org/book/13475/1691705>